
Сергей СЛЕПУХИН

ВОСКРЕСЕНИЕ

Я не об этом, я — о пустоте,
убийственной в конечной простоте,
влекущей душу в сердцевину света.
В прозорах жизнь мерещится еще,
и, кажется, на сердце горячо,
да только жаль, что не проверишь это...

Приходит смерть простецки, без затей,
с ней санитары с лицами детей
(а может, ангелы — безусы и безбровы?).
Дозатор, капельница, утка, суета,
как демоверсия банальная pietà
(без Микеланджело, Торвальдсена, Кановы).

Замкнулся круг, а значит, это смерть,
все мельтешня, ничтожность, круговерть,
а это — Вечность, кем-то прописная.
Потух Везувий, да и ты потух.
Нет, погоди, попридержи-ка дух:
бригада, ПИТ, не точка — запятая!

Провал, простор, свод лабиринтов, тишь...
Ага, очухался и, как дурак, молчишь:
все на местах, пытит, скрипит! О, чудо!
Свисают кровли заячьей губой,
Ты жив, курилка, ты опять живой!
Скорей бы вырваться, ведь там — весна-паскуда!

ПОТРЕБНОСТЬ ВИДЕТЬ

Всякий сон, так и быть, пошловат как прием...

А. Леонтьев

Бог весть откуда на глазное дно,
Транжира вес, теряя очертанье,
Как будто Касторп отхлебнул вино
И вышел в сон на вещее свиданье.

Сергей Викторович Слепухин родился в 1961 году в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт. Стихи и эссе публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Белый ворон», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Новая камера хранения», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Урал», «Уральская новь», во II и III томах «Антологии современной уральской поэзии». Живет в Екатеринбурге.

Past Perfect? Нет. Вовсю блажит Морфей,
Слетают в ночь рассерженные птахи,
Несбыточность, прикосновение фей,
Иллюзия в смирительной рубахе.

Не охватить пределы этих мест,
Приписанных к Содому и Гоморре,
Мозг замечает дымный Эверест,
Стоглазый страх рисуя в мониторе.

Как предсказанье в книге Делюмо,
Укрылся смысл за темными словами.
Там взгляды отпечатком на трюмо
И призраки с двойными головами.

Так «правит» явь писатель Томас Манн,
Твоих неврозов диагност и критик,
Библиотечный доктор-шарлатан,
Очковтиратель-психоаналитик.

Где «солнечные люди» и весна,
Где здравый смысл, обещанная вера?
«Волшебная гора», подножье сна,
И автор текста в роли изувера...

ИЗ РИЧАРДА РОРТИ

His glassy essence, like an angry ape
Plays such fantastic tricks before high heaven.

Shakespeare

А ты опять о зеркале природы
твердишь, бормочешь, зараженный зудом!
Декарт, и Кант, и Лейбниц, и Спиноза —
шарманка заунывная твоя.

Могу себе представить любомудров,
их нудные протесты против Бога
и преклонение перед Человеком,
чей жизни смысл им *удалось прозреть!*

А между тем метафора *познания*
обычным глазом кажется мне мутным,
убогим суррогатом постной веры,
ленивым оживленьем среди теней.

Наш ум зеркален, сделанный из стекол
субстанции возвышенной и тонкой,
он светится, не затененный телом,
и с ангелами горными роднит.

Но человеку при его гордыне,
в его житьишке глупом, скоротечном
о даре сущности зеркальной неизвестно —
кривляется мартышкой в трюмо.

И плачут ангелы над трюкачом злобливым,
они бы, бедные, до колик досмеялись,
будь на минуту смертными, как люди,
не сознающими невежество свое.

В ПЛАМЕННОМ БРЕДУ

Сердце наше кладезь мрачной:
тих, пустынен сверху вид,
но спустись ко дну... ужасно!
крокодил на нем лежит.

К. Батюшков

Напрасно солнце ставни золотило
окна в Аид. Забвение, провал...
Конь без седла, кладбище, крест, могила —
поэт весь день лишь это рисовал.

Мусию, золото, сияющее в храмах
Неаполя, амуров на часах
не видел он — одна глухая рама,
Эреба мрак, забвение и прах...

Вакханок жар остыл в крови навеки,
Киприда с Эросом скучали без затей,
бред разгорался, опускались веки,
безлюдье, тартар, крики лебедей.

Мегеры, фурии и церберы немели,
когда он берег Леты обходил,
молчало все, лишь где-то там, на мели,
вздыхал о жизни грустный крокодил.

ЗИМНИЙ ПОХОД ДЕРЕВЬЕВ

Памяти Олега Юрьева

В той же камере хранения,
где Апухтин, Аронзон,
я нашел стихотворенье,
видно, был на то резон.

В полк построенные сосны,
треск музыки, блеск штыков,
блицпоход деревьев грозный,
жидкий свет из облаков.

Осень нулевого года,
ветер словно лютый враг,
разыгралась непогода —
чернь и воронь, мгла и мрак.

Горы, поезд, панорама,
шпалы, дым, передний план.
Из Бирнама, из Бирнама
рать идет на Дунсинан.

Меловые шлемы, сосны,
лошадь белая, как снег,
вдоль шеренги копыеносной
отблеск тени — человек.

На распутье, без дороги
улыбается во сне...
Он уже не виден многим,
только избранным, и — мне.

ДИТЯ

Так что меня тревожит — блудный сын?
Скажу точнее — горькая утрата,
дитя, потерянное мной в ольховой роще
(«Отец, отец, ведь ты не близорук!»).
Но узкий след, спешащий по шоссе,
давно не виден, выбывший — далеко,
катящий мимо многотонный сон
вжимает в гравий жалкую надежду.

Качели-лодочки, коняги-карусели,
прочитанные Остер и Сапгир,
шарманки взвизги, шарик на резинке —
все дни на вырост, милое дитя...
Однако в тишине, в отливе мыслей
распознаешь безмерности печали,
без оттиска и даже отраженья:
я бросил камень — плюха нет как нет...

Твердеют дни от холода и скуки,
соленый привкус зимней долгой ночи
в непрожитом, испорченном отцовстве...
И кто подаст мне тапочки и плед?..

Апостроф — обращение к предмету,
одушевленному фантазией напрасной,
придуманному кем-то для чего-то
над замыслом надстрочной запятой.

Дитя, идущее по вымерзшей дороге,
мой стол завален снегом прошлогодним,
вернись, пока мои глаза и руки
еще способны чувствовать родство.

Вагончики — пузатые жуки —
в свердловском парке сумрачном и гадком,
где мы с тобой сорвались не возвратно
под дуги черных чертовых колес...